

РЕЛИГИЯ, КУЛЬТУРА, ОБРАЗОВАНИЕ

Русская библейская фразеология и раннехристианская богословская мысль

А. В. ГРИГОРЬЕВ

(МОСКОВСКИЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ)*

Исследование посвящено анализу библейских фразеологизмов. В статье показано, что несходство в составе, форме и значении библейских устойчивых выражений в русском и европейских языках объясняется различиями восточного богословия от западного в первую очередь в понимании догмата Святой Троицы.

Ключевые слова: фразеология, библейские фразеологизмы, восточнохристианское и западнохристианское богословие.

Russian biblical phraseology and theology of the Early Christianity

A. V. GRIGORIEV

(MOSCOW STATE PEDAGOGICAL UNIVERSITY)

This research is devoted to the analysis of the bible idiomatic expressions. In this article it is shown, that dissimilarity in composition, form, and meaning of the bible idiomatic expressions in Russian and European languages may be explained by distinctions between East and West Christian theology, first of all, in the interpretation of the Trinity dogma.

Keywords: phraseology, bible idiomatic expressions, East and West Christian theology.

Долгое время в отечественной и зарубежной науке библейские выражения воспринимались как интернационализмы, то есть совпадающие по своей форме единицы, функционирующие в различных языках, с полно или частично совпадающим смыслом.

Однако в работах В. Гака и его последователей было доказано, что в русском и европейских языках нет полного соответствия в плане объема, состава, формы и смысла

библейских фразеологизмов. Действительно, в русском языке представлено выражение *блудный сын*, во французском языке — *le fils prodigue* «сын-расточитель», а в немецком — *Der verlorene Sohn* «сын был потерян для отца». Подобные различия В. Гак объясняет тем, что западная (католическая) и православная церкви по-разному расставляли акценты при интерпретации библейских текстов (Гак, 1994 и Гак, 1997).

* Григорьев Андрей Владимирович — доцент кафедры общего языкознания Московского педагогического государственного университета, кандидат филологических наук. Тел.: (495) 245-57-12, (499) 197-84-92. Эл. адрес: greg988@yandex.ru

Однако, во-первых, оказывается неясным, что же имеет в виду В. Как под достаточно широким понятием «акцент». Во-вторых, не совсем корректным в данном случае представляется употребление исследователем терминов «католическая церковь» и «православная церковь», поскольку фактически, как показывает наш анализ, рассматриваемые различия возникают значительно раньше официального разделения этих двух церквей в 1054 г. Уже к «золотому веку» святоотеческой литературы (IV в. н.э.) формируется противопоставление восточного и западного богословия по ключевому вопросу христианства — пониманию догмата Святой Троицы.

Византийские (восточные) отцы Церкви, объясняя тайну Святой Троицы, предпочитали в качестве отправной точки конкретное — три Ипостаси (Лица) Бога — и в них усматривали единую природу (Лосский, 1991: 42). Таков же подход восточных отцов и к учению о человеке. Первоначально, до грехопадения, по мнению многих отцов, человек не имел различия полов и телесной организации (см., например, у Григория Нисского: «Об устройении человека», *Patrologia Graeca* 44, 184–204). Он являлся существом духовным, предназначенным для созерцания и отражения Бога. После грехопадения он присоединился к животной природе и, следовательно, стал подвержен страстям и тлению. Таким образом, природа человека становится психосоматической. Восстановление человеческой природы и освобождение от чувственности возможно только через уподобление Господу, когда человек управляет своей природой посредством своей личности.

Западная церковь выражала тайну Святой Троицы, исходя из единой сущности (природы), чтобы от нее прийти к трем Лицам (Лосский, 1991: 42). В Боге *omnia sunt unum ubi non obviat relationis oppositio (всё едино в той мере, в какой противопоставление существующих отношений не требует различения)*, что позволяет признать существование единого истинного Бога, то есть единст-

во Отца, Сына и Святого Духа. Направление познания от природы (сущности) к Лицам есть «движение» от общего к частному, конкретному, что характерно не только для западного богословия, но и позднее вообще для европейской научной мысли. Это объясняет и преимущественное внимание западных отцов именно к природе вещей, в том числе к человеческой природе.

Человеческая природа, или *natura pura*, согласно западной традиции это интеллектуальная и животная стороны жизни. Человеку Бог посылает благодать, тогда «естественный» человек становится «духовным». При этом одни «люди от природы (а не от Бога! — А. Г.) мудры и имеют остроту ума» (Иероним: 233), однако часто природа может быть порочна: *natura lapsa, natura corrupta*. В этой связи необходимо следовать не природе, но слушать голос благодати. Обратим внимание, что в поле зрения западных отцов не включено понятие «личность человека». Данный факт объясняется в том числе и лингвистическими причинами: латинское *persona* — это не личность, как мы ее привыкли сейчас представлять, а *внешний вид индивида, маска или роль актера*. Лучшей частью божественного творения является не личность, а разум, поскольку разум человека может наблюдать следы божественного разума, то есть закономерности, существующие в мире. По Августину, деятельность разума и предшествует вере, и сопровождает ее, и стремится в конце концов обогатить ее содержание в предмет знания (Бриллиантов, 1998: 135). Вера есть низшая ступень знания. Она необходима в настоящей жизни потому, что разум человека не может вместить того познания, которое для человека необходимо. Именно поэтому на Западе большую популярность получает выражение *credo ut intellegam (верю, чтобы понимать)*, восходящее к Ансельму Кентерберийскому.

Согласно западным воззрениям каждый человек есть не что иное, как воля (Августин Блаженный «О граде Божьем», XIV, 6). Именно воля получает главное значение в жизни человека; это сила, которой опреде-

ляется собственная деятельность человека. Истинная свобода заключается в подчинении воли человеческой воле божественной, что является источником всех благ для людей. Поэтому в латинской традиции приобретает особую значимость и часто цитируется выражение из молитвы «Отче наш» *Et fiat voluntas tua (да будет воля твоя)*, а также *homines bonae voluntatis (люди доброй воли)* (ср. совр. франц. *Hommes de bonne volonté*).

Таким образом, человек в идеале западных отцов представляется соединением абсолютной энергии воли и абсолютного совершенства знания. Это и определяет тип современного западного человека, ориентированного на практические цели.

Различия между западными и восточными отцами Церкви проявляются в учении о благодати. Выше уже отмечалось, что согласно западным воззрениям, человеку необходимо следовать не природе (которая может быть испорченной), но слушать голос благодати. Однако благодать дается не всем. Почему одним она дается, другим нет; почему некоторым она дается, а затем снова отнимается — на все эти вопросы, согласно Августину, невозможно дать ответ (Бриллиантов, 1998: 160). Именно это определяет тот факт, что в западной традиции большую роль играет вера в слепой случай, везение, которое дается совершенно случайным людям. Именно поэтому в латинской традиции часто цитируется выражения *Spiritus fiat, ubi vult (дух веет, где хочет)* «о неожиданном проявлении одаренности» (Ин 3:8), *Hodie mihi, cras tibi (сегодня мне, завтра тебе)* (Сир 38:22. По Вульгате: Сир 38:23). В современном французском языке мы также находим выражение, не имеющее параллелей в современном русском языке: *Pêche miraculeuse (чудесная рыбная ловля)* «неожиданная удача» (< Лк 5: 1–11).

В понимании восточных греческих отцов благодать — природное изливание энергий, *извечно* излучающихся от Божественной сущности (Лосский, 1991: 69). Как указывалось выше, Бог, по Дионисию Ареопагиту, всегда всем готов подать со своей стороны

помощь, каждому — по силе его (ср. русскую поговорку *Бог по силе крест налагает*); и уже от человека зависит, принять или не принять эту помощь. Именно поэтому в русской традиции часто встречаются поговорки и пословицы, в которых отражено понимание того, что Бог готов помочь каждому (*Бог найдет и в люди выведет; Бог дает — и дурак берет; У Бога всего много; У Бога все возможно; Всяк про себя, а Господь про всех; Аще бы не Бог, кто бы нам помог? Бог не как свой брат, скорее поможет; Как ни молись, Бог все услышит. Век протянется, всем (всякому) достанется*), а также библейские фразеологизмы, указывающие на то, что человек сам должен добиться желаемого, при этом, получив помощь, он должен понимать, что несет ответственность за полученное: *просите, и дастся вам; ищите и обряцете; толщите и отверзется; овому талант, овому два; зарывать талант в землю; вера горами движет; кому много дано, с того много взъщется*.

Следствием различного понимания догмата Святой Троицы является и учение о грехопадении.

Западные богословы (Августин Блаженный и его последователи) считали, что грехопадение первых людей — Адама и Евы — состояло в удалении их воли от Бога. В результате человек лишается свободной воли, его природа становится испорченной, все его действия направлены на грех и не ведут к получению блага. Состояние людей после грехопадения Адама и Евы Августин формулирует так: *non posse non peccare (невозможно не грешить)* и *peccatum habendi dura necessitas (тяжелая (суровая) необходимость грешить)*. Тогда и возникает мнение, что после грехопадения, то есть отпадения от воли Бога, *каждый* человек потерян для Бога как Отца. Поэтому-то в немецком языке *блудный сын* — это *der verlorene Sohn* — буквально: *сын, потерянный для отца*. Наклонность к греху усиливается с каждым новым греховным действием. Человек, расточая духовные божественные дары, расточает себя, потому и с момента рождения он уже

постепенно умирает, как неизбежно приближающийся к смерти («О граде Божьем», XIII, 23.). Это, кроме опоры на буквальный перевод, и определяет форму французского *les fils prodigue* и английского *prodigal son* — *сын-расточитель*.

Согласно воззрениям восточных отцов Церкви грехопадение состояло в том, что человек отвратился, ушел от Бога, своего первообраза, обратился к тому, что было ниже его, к материальному бытию, и подчинился последнему. В то же время удаление человека от Бога не лишает его свободной воли, ведь он по-прежнему остается личностью. Поэтому низшая материальная природа человека не служит препятствием в отношениях с Богом.

Таким образом, для восточных греческих отцов Церкви, а затем и для славянской мысли важно то, что человек совершает грех, отступая от Бога, отклоняясь от свойственного его природе движения к Богу. Известный византийский богослов Григорий Нисский называл грех «заблуждением ума» (*Patrologia Graeca* 44, 184–204). Именно поэтому в славянских текстах согрешивший младший сын из Евангелия от Луки (Лк 15:11–32) назван *блудный* (родственное *блудити* «блуждать, заблуждаться, ошибаться»; *блудь* «ошибка, заблуждение, грех», ср. латыш. *blandonis* «бродяга; — лит. *blandas* «помрачение зрения, ума»; блентан «ослеплять», гот. *blinds* — «слепой», словен. *bledem* — «нести чушь, бред» (Фасмер, 1993: 177)). Таким образом, исконно для славян *блудный* — это *заблудший, заблудившийся, грешный, ослепленный грехом*. При этом в сочетании блудный сын выражена и идея того, что, блуждая, человек может вернуться снова на путь истинный — так и происходит в притче о блудном сыне, поэтому героя притчи нельзя назвать *потерянным*, как в немецком языке.

Учение о благодати и грехопадении тесно связано с эсхатологическими воззрениями византийских и западных богословов.

Идея ада у западных отцов Церкви опирается на буквальное прочтение Библии и связана с мыслью о справедливости и воздая-

нии. Порок будет наказан: суд Божий суров и неумолим. Адский огонь, назначенный для наказания грешников, станет питаться неистощимыми мучениями человеческих тел (Минуций Феликс).

Одним из символов грядущего конца мира является звук трубы, призывающий мертвых к воскресению. В сознании западноевропейских авторов картина Апокалипсиса согласно Откровению Иоанна Богослова соединяется с видениями пророка Софонии:

Сравним:

1. *Близок великий день Господа, близок, и очень поспешает: уже слышен голос дня Господня; горько возопиет тогда и самый храбрый! День гнева — день сей, день скорби и тесноты, день опустошения и разорения, день тьмы и мрака, день облака и мглы, день трубы и бранного крика против укрепленных городов и высоких башен* (Соф 1:14–16).

2. *Dies irae, dies illa*

Solvat saeculum in favilla:

Teste David cum Sibylla.

Quantus tremor est futurus,

Quando iudex est venturus,

Cuncta stricte discussurus.

Tuba mirum spargens sonum

Per sepulcra regionum,

Coget omnes ante thronum

(*Thomas de Celano, 1190–1260*).

(Тот день, *день гнева,*

В золе развеет всё земное,

Свидетелями Давид с Сивиллой.

Какой будет *трепет,*

Когда придет судия,

Который всё *строго* рассудит.

Труба, сея дивный клич

Среди гробниц всех стран,

Всех соберет к трону)

(перевод Я. М. Боровского)

Отсюда вполне закономерно, что в английском языке мы встречаем выражения *last trumpet* — *последняя труба* и *dreadful trumpet* — *грозная (ужасная) труба* (например, у Шекспира и Филдинга), которые используются в значении «грозное предзнаменование» и нередко символизируют смерть.

Ср.: JULIET: *What storm is this that blows so contrary?*

Is Romeo slaughter'd, and is Tybalt dead?

My dear-loved cousin, and my dearer lord?

Then, dreadful trumpet (страшная, ужасная, грозная труба), sound the general doom! (труба всеобщую смерть)

For who is living, if those two are gone?

(У. Шекспир. Ромео и Джульетта).

В восточной византийской традиции идея ада определяется понятиями «свобода» и «личность». Человек, который не лишен свободной воли, всегда может обратиться к Богу, пусть даже в эсхатологической перспективе. По мнению Григория Нисского, адские мучения нельзя понимать в юридическом смысле, будто бы они служат платой за греховные долги, потому что Бог не может быть одержим недостойной Его мстью. Подобно золоту, которое очищается в огне от недостойных примесей и после является чистым, грешник подвергается действию адского огня для очищения от примесей порока.

Поэтому встречающиеся в русском языке выражения *трубный глас* и *труба архангела* связаны не с идеей смерти, а с идеей пробуждения и обычно используются применительно к воскресению мертвых и в сравнении: «о человеке, пробуждающемся от глубокого сна»: *Лучше, если бы она сказала только «Трубный глас!.. Пробудись, сын мой! Се Спаситель!»* (Карамзин Н. М. Письма русского путешественника); У порога писарь и старшина стоят, поднятые со сна точно трубой архангела (Короленко В. Г. Легенда о царе и декабристах).

Восточная церковь сравнивает события Страшного суда с процессом врачевания, которое необходимо для полного исцеления: *Для этого же служат и ангелы, (трубящие в трубы и несущие бедствия человечеству), исцеляющие, как сострадательные врачи — подражатели Христа, греховные недуги болящих, или, вернее, облегчающие ленивым будущее наказание прижиганиями и сечениями в виде бедствий, если только они перене-*

сут их с благодарностью (Толкование Андрея Кесарийского на Апокалипсис). Именно поэтому человек, стремящийся к праведности, должен ожидать День Суда с радостью, поскольку тогда христианин сможет наследовать вечную жизнь:

Но вечным сном пока я сплю,

Моя любовь не умирает,

И ею, братья, вас молю,

Да каждый к Господу взывает:

Господь! В тот день, когда труба

Вострубит мира преставленье, —

Прими усопшего раба

В твои блаженные селенья!»

(А. К. Толстой Иоанн Дамаскин)

Таким образом, анализируя данные примеры, мы можем прийти к важному выводу: отсутствие полного соответствия в плане объема, состава, формы и смысла библейских выражений в русском и западноевропейских языках может быть объяснимо отличиями восточного богословия от западного, которые оформляются уже к «золотому веку» патристической литературы (IV в. н.э.) в связи с различным пониманием догмата Святой Троицы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бриллиантов, А. И. (1998) Влияние восточного богословия на западное в произведениях Иоанна Скота Эригены. СПб. : Мартис.

Гак, В. Г. (1994) Вопросы сопоставительной фразеологии (библейзмы в русском и французском языках) // Научные труды МПГУ. М. : МПГУ.

Гак, В. Г. (1997) Особенности библейских фразеологизмов в русском языке (в сопоставлении с французскими библеизмами) // Вопросы языкознания, № 5. М.

Иероним (б. г.) Четыре книги толкования на Евангелие от Матфея. М. : МГУ.

Лосский, В. Н. (1991) Очерк мистического богословия Восточной Церкви. М. : Центр «СЭИ».

Фасмер, М. (1996) Этимологический словарь русского языка. Т. 1. М. : Терра.